

ОСЕНЬ И МЕЧТЫ О СЦЕНЕ

Когда-то у нее были друзья. Их было много. Даже очень много. Правда, они есть и сегодня. Вспомним хотя бы вечер, организованный в ее честь. Золотой трон. Красивые, торжественные, ласкающие слух юбилейные речи. Да, они тоже нужны человеку как воздух. Особенно когда каждый прожитый день уже воспринимается сам по себе как праздник и подарок судьбы... И аплодисменты... Сколько раз она их слышала, выходя на сцену? Что напомнили они ей в день 75-летия?

Я знал, что ее боготворят. Любой разговор о театре Дагестана непременно приводил к этому имени — Барият! «Наша Барият» — так называют ее все: кумыки, даргинцы, лаки, аварцы, лезгинь... Потому что годы, ею прожитые, были исполнены достоинства, любви к людям. Здесь, на Кавказе, люди умеют хранить и передавать из поколения в поколение особую мудрость сердца, доброту и веру в будущее...

Маленькая репортерская зарисовка: скромная обстановка в однокомнатной квартире на пятом этаже. В доме без лифта. Какие же нужны силы, чтобы человек в ее возрасте ежедневно сюда подымался? Конечно, имея положение в обществе, она могла бы заняться своим бытом, ведь нынче слова «уровень жизни» просто не сходят с уст большинства. Однако, будучи истинно великой актрисой, она не трагична на это времени и сил, предпочитая все внимание сосредоточить на работе — служении искусству. Только так понимая свою судьбу и предназначение. Может быть, и поэтому ее боготворят?

Пьем чай. Заметил, Барият смущена:

— Вы уж извините, что на Кавказе не могу вас принять по-кавказски. Я — исклучение. Болею, болею... Но, как и в далеком детстве, лет около семидесяти назад, по-прежнему мечтаю о сцене... Что стоило мне в те годы только помыслить о театре? Какой это был грех! Шарият и наши обычаи не разрешают женщине быть актрисой. Когда я девочкой выступала на сцене, поверьте ли, в меня даже стреляли. Пуля прошла через ногу навывлет. Но запретить мне играть не смог никто: с шести лет я уже танцевала, пела, играла на всех инструментах, к которым имела доступ.

Однажды в 1927 году за мной вдруг приезжает помощник первого секретаря ЦК партии Дагестана, говорит: быстро в машину, надо ехать. Приехали мы сразу на вокзал, и только на перроне узнала, что едем в

Москву. Был конец февраля — в Дагестане в это время уже теплеет, и я была в легкой весенней одежде. А в столице мороз оказался такой, что у людей усы покрывались инеем. Я продрогла и, конечно, заболела. На следующий день был назначен концерт для правительства в Колонном зале Дома союзов — пришлось выступать. Пела я дагестанские народные песни, играла на гармонии, а потом «на бис» мы с дядей спели «Не искушай меня без нужды». Это зрителям особенно понравилось... Со сцены я ушла, еле держась на ногах, и вдруг в перерыве подошел ко мне пожилая женщина. Я не узнала ее, хотя лицо показалось знакомым.

«Молодчина, — сказала женщина, — талантливая девочка, ты очень хорошо поешь». И поцеловала меня в щеку. Со мной была моя учительница Джамед Магомедовна, она рассказала, как я почти раздетая приехала в Москву и что сейчас у меня высокая температура. «Приходите завтра ко мне, — предложила женщина, — думаю, что помогу вам купить что-нибудь теплое». Мы попрощались. «Но куда ж мы пойдем?» — спросила я. «В Совнарком, — был ответ, — разве ты не узнала? Это же Надежда Константиновна Крупская...»

Позже я часто бывала в Москве, да и в других крупных городах страны, и все же моя судьба, все творчество мое было связано прежде всего с Дагестаном. Истинное счастье для актрисы, когда ее понимают на родном языке. Мой язык — кумыкский.

Тридцатые годы. Группа молодых ребят окончила театральный техникум в Махачкале. Тогда по существу и был создан национальный кумыкский театр. Три-четыре месяца в году мы работали в городе, а с марта и до поздней осени ездили по аулам. Машины у нас не было, нам давали арбу, на которой помещались только декорации. Мы впрягали в нее лошадь или осла, а сами шли пешком. Клубов тогда не было — играли в основном в бывших мечетях: окна там не открывались, помещение не проветривалось, пыль, тучи комаров, все это приходилось глотать. Играла, как правило, главные роли, но и после спектакля зрители не расходились: «Пускай Барият споет!» — говорили. Ведь знали меня в селах еще с 1923 года, когда я ребенком там танцевала. Письма писали: «Хорошо, что ты у нас есть, хорошо, что ты родилась на свет!..» Ну как после этого откажешь? Пела по два-три часа, пока хватало сил.

А по утрам иногда нам самим приходилось тащить декорации.

Порой подобное происходило из-за

прихоти председателей колхозов, которые хотели, чтобы я им лично пела и танцевала. А они бы сидели до утра, пили и бросали мне деньги. Я всегда отказывалась, отвечая гордо: купите за 40 копеек билет и приходите на концерт. После этого, как легко догадаться, нам не давали ни арбу, ни лошадь...

Меня и сегодня в аулах знают и помнят. В начале этого года, когда с горлом было получше, я еще играла на сцене. И как это было радостно, когда на мои спектакли приезжали автобусы и даже грузовые машины с людьми из горных селений! Для меня эти спектакли стали настоящим праздником.

Признаюсь, болезнь горла не отступает. Нужна операция. Может быть, это звучит странно, но как только соберу немного денег, непременно поеду в Москву: надеюсь там мне сумеют помочь. Хочу вернуться в театр. Ведь актер в любом возрасте мечтает о сцене. Поверьте, это не пустые слова: жить и умереть на сцене...

Что еще огорчает? Мне кажется, во многом изменилось нынче отношение артистов к своей работе. Все иное. Иное. В аул приезжают — побыстрее хотят вернуться в город. А как можно рассказать о простых людях, если ты с ними не знаешь, их жизни не знаешь? Я около полтора часа ролей сыграла, и, говорят, двух похожих не было. Мне ничего придумывать не надо было, просто смотрела на людей: ведь в каждом селении свои интересные необычные характеры...

...Много лет назад народный поэт Дагестана Аткай Аджаматов посвятил Барият Мурадовой свою поэму «Рабият». Меня поразили в ней такие строки:

Если стройней и красивой других Ты, позабывая веком,
Ланью тебя назовет твой жених,
Только не человеком.

Если твой голос звучит серебром И покоряет всех сразу —
Тысячу раз назовут соловьем,
Но человеком ни разу...

И вот сидит Барият у окна. Одна. Мечтает спеть еще своему народу лучшие песни. А мы, столь щедрые на красивые слова в юбилейный вечер, оказываемся в будни совсем иными. И вспомнилось: всего тридцать секунд она пела на том своем юбилейном вечере. Эти тридцать секунд — словно целый концерт. И — вся жизнь!..

К. ЛАКАРОВ.

Махачкала.